

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 343(222+342+985)(430)

Вячеслав Борисович ШАБАНОВ,
заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь), доктор юридических наук, профессор
lawcrim@bsu.by

Дмитрий Людвикович ХАРЕВИЧ,
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Академии МВД Республики Беларусь, (г. Минск, Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент
dmitryharevich@mail.ru

ПРОВОКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ФРГ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

PROVOCATION OF CRIME IN FRG: PROBLEMS OF THE THEORY AND PRAXIS

В статье проводится анализ правовых исследований в ФРГ и норм права, касающихся проблематики провокации преступлений. Отражены результаты научной дискуссии о правовых основаниях освобождения от уголовной ответственности лиц, действия которых рассматриваются в аспекте провокации при выполнении задания по раскрытию преступления.

The analysis of legal researches in the Federal Republic of Germany (FRG) and legal norms related to the problem of provocation of crimes is carried out in the article. The results of the scientific discussion on the legal grounds for exemption from criminal liability of such persons, whose actions are evaluated as a provocation in the process of performance of the task of disclosing the crime, are reflected.

Ключевые слова: провокация, агент-provokator, подстрекательство, покушение на совершение преступления, Германия, уголовное право, негласный сотрудник, полиция, крайняя необходимость, освобождение от уголовной ответственности.

Keywords: provocation, agent provocateur, incitement, attempt to commit a crime, Germany, criminal law, undercover agent, police, extreme necessity, exemption from criminal liability.

Провокация преступлений представляет собой актуальную теоретическую и прикладную правовую проблему, которой уделяется значительное внимание в специальной литературе. Как отмечают немецкие правоведы, по степени разработанности в

научных исследованиях и количеству судебных решений, имеющих силу прецедента, провокацию можно рассматривать в качестве института уголовного права. Данные исследования имеют давнюю традицию: так, в период 1899-1929 гг. в Германии были

опубликованы более десяти диссертаций и монографий, в которых непосредственно исследовалась эта тема. В современных учебниках по немецкому уголовному праву теме провокации также уделяется достаточное внимание, на её примере рассматриваются многие базовые вопросы покушения, соучастия или умысла. Помимо этого в последние годы можно отметить активизацию исследований вопроса провокации со стороны специалистов в сфере уголовного процесса, выражающуюся, в частности, в наблюдаемом по публикациям смещении акцента от материальных вопросов наказуемости провокатора к уголовно-процессуальным последствиям его использования. [12, s. 485]

При описании аспектов провокационных действий правоведами часто используется понятие «агент-провокатор», под которым понимается действующий негласно служащий полиции или лицо, оказывающее ей содействие на конфиденциальной основе (далее указанные категории лиц будут обозначаться термином «негласные сотрудники»), целью деятельности которых является изобличение лица путем целенаправленного управления его поведением, при котором провоцируемое лицо совершает уголовно наказуемое деяние. [9, s. 15; 1, с. 50, 3, с. 184-185] В большинстве случаев при этом происходит задержание лица на месте совершения деяния или с поличным. Некоторые исследователи толкуют понятие провокации весьма широко, понимая под этим также действия лиц, которые по заданию полиции производят расспросы граждан с целью выведать информацию, уличающую их самих в совершенном уголовно наказуемом деянии [13], в том числе в случаях, когда указанные действия совершаются в условиях исправительного учреждения [5]. Уголовный кодекс Германии к провокационным относит также некоторые деяния, при которых жертвой становится сам провокатор: например, провоцирование убийства путем разжигания ярости, при котором факт провоцирования рассматривается как смягчающее вину обстоятельство. [7, s. 1032] В контексте освещаемого вопроса данные случаи рассматриваться не будут.

Достаточно широкое признание получило мнение, согласно которому в качестве провокации рассматриваются как действия лица, ограничивающегося конкретизацией уже имеющейся общей предрасположенности, так и действия, при которых у собеседника формируется общая, неконкретизированная предрасположенность к совершению уголовно наказуемых деяний. [6, s. 4]

При обсуждении провокации в работах правоведов затрагиваются такие проблемы, как:

правомерность (или неправомерность) совершения тех или иных действий, которые оцениваются в контексте провокации, и процессуальные последствия провокации для расследования;

наказуемость «агента-провокатора»;

допустимость участия или соучастия лица, представляющего государство или действующего от его имени, в противоправных деяниях.

В целом исследователями-процессуалистами и правоприменителями провокация признается недопустимой. Ориентиром для этого являются решения Европейского суда по правам человека, занимающего наиболее категоричную позицию в этом вопросе. Согласно указанным решениям любые действия «агента-провокатора» представляют собой тяжкое нарушение принципа справедливого процесса. Правозащитники также рассматривают любую полицейскую провокацию как тяжкое посягательство на основополагающие принципы правового государства [12, s. 485; 1, с. 61]. В немецкоязычной литературе высказывается мнение о недопустимости использования полученных таким образом доказательств и даже о необходимости оправдания спровоцированного и осуждения провокатора. [6, s. 7]

В качестве контраргумента ученые, выступающие за допустимость некоторых провокационных действий [11, s. 706-707], приводят примеры, в которых использование «агента-провокатора» являлось единственным способом изобличения лица, длительное время осуществляющего скрытую противоправную деятельность или предпринимающего особые меры с целью избежать привлечения к уголовной ответственности.

На наш взгляд, наиболее взвешенная и прагматичная позиция присутствует в решениях Федерального верховного суда ФРГ и в судебной практике ФРГ. В соответствии с ней каждый случай провокации оценивается отдельно, в контексте обстоятельств конкретной ситуации и на основании толкования принципов права. Как правило, использование «агентов-провокаторов» рассматривается как смягчающее обстоятельство при вынесении приговора, и то лишь в том случае, если факт провоцирования будет доказан в суде и отражен в приговоре. [1, с. 92]

Изучение судебной практики показывает достаточно широкий спектр возможных вариантов недопустимого провокационного поведения. С правовой точки зрения проблемными являются случаи, когда, располагая не вполне проверенным подозрением, негласный сотрудник для раскрытия умысла провоцирует в той или иной форме на совершение уголовно наказуемого деяния лицо, которое ранее незаконную деятельность не осуществляло. Подобные действия предвосхищают виновность подозреваемого лица, подталкивают к созданию благоприятных условий для совершения уголовно наказуемого деяния или побуждению лица к таковому без учета возможных обстоятельств, свидетельствующих о его невиновности. Фактором, способствующим данным действиям, является затруднительность контроля за совершаемыми негласно действиями со стороны вышестоящих руководителей полиции или государства в целом. [10, с. 3]

Общепризнанным является мнение, согласно которому негласный сотрудник не имеет права увеличивать ту степень противоправности деяний, которая уже реализована или должна будет реализоваться, а также инициативно провоцировать на совершение уголовно наказуемых деяний. Так, в качестве неправомерного рассматривается склонение к совершению уголовно наказуемого деяния, если первоначально замышляемое провоцируемое деяние уступает по степени общественной опасности деянию, к совершению которого лицо склоняют. [8, с. 62-63, 64]

Основные подходы к оценке правомерности провокации можно продемонстрировать

на ряде примеров. Так, в качестве недопустимых рассматриваются действия, направленные на демонстрацию заинтересованности в приобретении наркотиков у лица, в отношении которого отсутствуют обоснованные подозрения в сбыте наркотиков, а также действия, при которых у торговца марихуаной будут пытаться приобрести более опасный наркотик – героин или у мелкого наркосбытчика – оптовую партию наркотика.

Неправомерны действия негласного сотрудника, при которых последний способствует увеличению количества ввозимых в ходе контролируемой поставки или сбываемых в рамках проверочной закупки наркотиков, а также ввозу более опасного наркотика.

Недопустимы действия негласного сотрудника, при которых он торопит с проведением сделки или настаивает на ней, если сбытчик еще не определился в решении о продаже или колеблется в принятии решения.

Запрещена дальнейшая передача третьим лицам наркотиков, приобретенных негласным сотрудником.

Противоправным будет также искусственное создание негласным сотрудником ситуации необходимой обороны с целью нападения на провоцируемого [7, с. 207].

При соблюдении ряда условий деятельность «агента-провокатора» может признаваться правомерной. Одним из таких условий является наличие до начала предпринимаемых действий весомого подозрения в совершении тяжкого уголовно наказуемого деяния. [7, с. 175; 11, с. 706]

Правомерными рассматриваются провокационные действия в отношении лица, которое стремится совершить уголовно наказуемое деяние, подтверждает это своими высказываниями и настойчиво ищет его объект. [3, с. 184-185]

Использование негласным сотрудником целенаправленного воздействия на лиц, подозреваемых в совершении уголовно наказуемых деяний, должно быть согласовано со служащими полиции, наделенным соответствующими полномочиями, при этом требуется получение санкции прокуратуры.

В немецкоязычной литературе указывается, что действующий в рамках задания

негласный сотрудник не обязан занимать исключительно пассивную позицию, например осуществляя проверочную закупку. С его стороны допускается конкретизация уже принятого обоснованно подозреваемым лицом решения о совершении уголовно наказуемого деяния, например в форме демонстрации своей готовности приобрести запрещенный товар или оплатить приобретаемое по приемлемой цене. Как правомерные рассматриваются действия, при которых негласный сотрудник договаривается о времени и месте передачи наркотиков, торгуется о цене за них при наличии уже достигнутой договоренности о сбыте. [6, с. 4]

Большинство исследователей и правоприменителей едины во мнении о необходимости выработки определенных критериев оценки действий как провокационных. Наряду с этим правоведом признается сложность нахождения однозначного разрешения этих вопросов в рамках правовых формулировок. В частности, делается ссылка на наличие проблемы отграничения правомерных действий от противозаконных, поскольку чем более общим будет описание допустимого поведения, тем выше опасность того, что негласный сотрудник в своих действиях выйдет за границы правомерности; чем более узко такое описание будет сформулировано, тем в более сложную ситуацию будет поставлен негласный сотрудник в процессе выполнения задания в криминогенной среде, поскольку слишком детальные формулировки будут ограничивать пределы его тактической активности и могут использоваться преступниками в своих целях. [8, с. 62-63].

На основе обобщения судебных прецедентов Федеральным верховным судом ФРГ указан ряд факторов, которые должны приниматься во внимание при оценке правомерности действий, причисляемых к провокационным. К ним относятся: основания и объем подозрения в отношении лица, на которое оказывается воздействие; вид, интенсивность и цель воздействия на указанное лицо; наличие сформировавшегося умысла на совершение конкретного уголовно наказуемого деяния у такого лица; имевшие место ранее противозаконные деяния указанного лица.

На наш взгляд, примером законодательного запрета провокации может являться норма § 36 абз. 3 Закона Нижней Саксонии об общественной безопасности и порядке, согласно которой лиц, оказывающих содействие полиции на конфиденциальной основе, нельзя использовать с тем, чтобы: пробуждать в лице, которое не готово к совершению уголовно наказуемого деяния, решимость к его совершению; склонять лицо, готовое к совершению деяния, на совершение деяния, размер наказания за совершение которого существенно выше, чем за совершение деяния, к которому лицо готово; собирать данные с помощью средств или методов, которые не разрешено использовать полиции. [4, с. 209]

Ряд исследователей рассматривают вопросы о допустимости или недопустимости провокации через призму действий «агента-провокатора». В качестве основания ими используется тезис о том, что недопустимыми будут те действия, при которых «агент-провокатор» совершает противоправное деяние. Таким образом, решение вопроса о допустимости провокации увязывается с проблемой ответственности «агента-провокатора» за его действия. Не вызывает разногласий мнение о том, что «агент-провокатор», умышленно стремящийся к достижению противоправного результата, подлежит уголовной ответственности. Вместе с тем следует отметить, что существенная часть усилий ученых посвящена не вопросам наказания данной категории лиц, а оправданию их действий. Об этом свидетельствуют и названия трудов, например: «Отсутствие состава уголовно наказуемого деяния в противоправных действиях агента-провокатора». Это связано с тем, что за исключением крайних случаев умышленного противозаконного поведения, выходящего за рамки данных им заданий, негласные сотрудники освобождаются от уголовной ответственности при наличии признаков провокации или же наказание им смягчается. При этом суд основывается на том, что «агент-провокатор» действовал в целях расследования уголовно наказуемого деяния, т.е. в общественных интересах. Социальным контекстом данного отношения является массовое использование полицией «агентов-провокаторов» в сфере

борьбы с незаконным оборотом наркотиков, при котором в их задачи входит изобличение наркоторговцев, сопровождающееся актами приобретения или сбыта наркотиков. [12, s. 485; 7, s. 289].

Вопрос об ответственности «агента-provokatora» правоведы пытаются разрешить с позиций материального права. Ряд исследователей ФРГ предпринимают попытки найти оправдание действий «агента-provokatora» путем поиска и толкования закрепленных законодательно института крайней необходимости, освобождения от уголовной ответственности. В связи с этим ученые склоняются к точке зрения о том, что при осуществлении заранее спланированных полицией мероприятий (например, закупки наркотиков) крайняя необходимость лишь в исключительных случаях может использоваться в качестве оправдывающей нормы [12, s. 486; 1, с. 61], поскольку в подобных ситуациях отсутствует непосредственная опасность, а соотношение предотвращаемого и наносимого ущерба дает отрицательный результат [6, s. 2]. Исключения составляют редкие случаи, когда жизни или здоровью негласного сотрудника угрожает опасность [8, s. 62-63; 9, s. 17]. Тем не менее институт крайней необходимости не может быть применим в качестве нормы, уполномочивающей на совершение действий, ограничивающих основные права граждан. [12, s. 486]

Критике подвергается также мнение ученых, пытающихся оправдать совершение «агентом-provokatorом» противоправного деяния необходимостью раскрытия иного противоправного деяния. В литературе указывается на очевидную несостоятельность подобного подхода, поскольку цель расследования не может оправдывать любое средство её достижения. Помимо этого наличие некоторых признаков состава уголовно наказуемого деяния в действиях «агента-provokatora» противоречит изначальным целям государства в обеспечении правопорядка. [12, s. 486]

В связи с этим правоведы говорят о необходимости формулирования в законодательстве нормы, определяющей правомерность действий лиц, действующих негласно в инте-

ресах правоохранительных органов, которая может использоваться в качестве оправдывающего основания. [12, s. 486]

Многие исследователи материального права ищут решение данного вопроса в сфере учения о составе уголовно наказуемого деяния. Так, в специальной литературе ФРГ указывается на отсутствие состава уголовно наказуемого деяния в действиях «агента-provokatora». В частности, применительно к участию негласных сотрудников в приобретении наркотиков высказывается мнение о том, что такие действия не наносят ущерба общественным благам, поскольку сам факт участия представителя правоохранительного органа исключает абстрактную опасность охраняемым благам, формально присутствующую в таких действиях. [11, s. 403]

Некоторые правоведы рассматривают вопросы ненаказуемости «агента-provokatora» через призму понятий «подстрекательство» и «покушение на совершение уголовно наказуемого деяния». [12, s. 485] При этом действия «агента-provokatora» оправдываются тем, что подстрекательство или покушение не будут иметь места, поскольку умысел «агента-provokatora» направлен лишь на склонение лица к совершению покушения или на покушение как таковое, но не на совершение уголовно наказуемого деяния в полном объеме в расчете на то, что дальнейшие действия лица будут пресечены полицией. [7, s. 175]

Данному мнению оппонируют исследователи, считающие подобные ситуации нереальными, поскольку в действительности деятельность «агента-provokatora» не ограничивается покушением или даже подстрекательством, а характеризуется выполнением действий, формально составляющих уголовно наказуемое деяние. Согласно их позиции, проблему следует рассматривать в терминах виновности и окончания деяния. [12, s. 485]

Признано мнение, согласно которому в случае использования «агента-provokatora» для раскрытия уголовно наказуемых деяний, создающих абстрактную опасность, при которых момент окончания уголовно наказуемых действий и момент наступления противоправного результата разделены во времени (например, незаконный оборот нар-

котиков), виновность «агента-provokatora» исключается постольку, поскольку он своими своевременными действиями предотвращает завершение противоправных действий или нанесение ущерба охраняемым благам. [7, s. 175]

Ответственность «агента-provokatora» за пособничество будет исключена, поскольку его воля не направлена на содействие совершению уголовно наказуемого деяния по причине допущения им негодности средств совершения такого деяния, в том числе в связи с осознанием неизбежного вмешательства полиции после её информирования о планируемом деянии. [7, s. 178]

Более современные исследования, результаты которых нашли отражение в решениях Федерального верховного суда ФРГ, приходят к выводу о том, что вопрос о виновности «агента-provokatora» отпадает в связи с тем, что его действия лишь с формальной стороны соответствуют составу уголовно наказуемого деяния, однако они не направлены на достижение противоправного результата [7, s. 143]; другими словами, в действиях «агента-provokatora» отсутствует умысел [12, s. 488]. Вместе с тем в настоящее время данная точка зрения подвергается критике, исследователи предлагают более концептуальные пути решения рассматриваемой проблемы. [12, s. 488-491]

Учитывая отсутствие в ФРГ полного запрета на обсуждение вопросов использования негласных сотрудников, научная общественность и правоприменители в лице судей достаточно хорошо осведомлены о сущности и основных особенностях данной работы и не питают иллюзий в отношении морального облика и законопослушности лиц, оказывающих полиции содействие на конфиденциальной основе, которые зачастую являются представителями криминогенной среды и совершают уголовно наказуемые деяния в силу своего образа жизни. [10, s. 2] В трудах правоведов также обоснованно указывается на объективную необходимость участия негласного сотрудника в незаконной деятельности или как минимум создания видимости такого участия в целях обеспечения личной безопасности и успешного выполнения даваемых

им заданий. В связи с этим при обсуждении вопросов провокации неизбежно затрагиваются такие проблемы, как допустимость соучастия негласного сотрудника в противоправной деятельности. [1, с. 62]

В нормативных правовых актах содержится запрет на такие деяния, он касается также уголовно наказуемых деяний, обусловленных криминогенной средой, в которой находятся рассматриваемые лица (например, малозначительные деяния, связанные с хранением наркотиков для личного потребления и т.д.). [8, s. 62-63]. Вместе с тем данная формулировка имеет определенный подтекст, поскольку с учетом рассмотренных выше особенностей ряд деяний не рассматриваются в качестве правонарушений в связи с отрицанием наличия состава уголовно наказуемого деяния в действиях рассматриваемой категории лиц.

Исследователи указывают также на то, что ненаказуемым будет соучастие в покушении на совершение уголовно наказуемого деяния, если покушение ненаказуемо согласно УК Германии.

Некоторые ученые обосновывают отсутствие противоправности правомерной крайней необходимостью (§ 34 Уголовного кодекса Германии) со ссылкой на принцип целесообразности и признают оправданным закрепление в законодательстве ряда федеральных критериев, при соблюдении которых негласный сотрудник может совершать деяния, обусловленные криминогенной средой. [8, s. 62-63, 64] Норма § 34 Уголовного кодекса Германии о правомерной крайней необходимости сформулирована следующим образом: кто совершает деяние в условиях наличной, не предотвратимой иным способом опасности для жизни, здоровья, свободы, чести, собственности или другого правового блага, чтобы отвратить опасность от себя или другого лица, действует не противоправно, если при оценке противостоящих интересов, а именно затронутых правовых благ и степени угрожающей им опасности, защищаемый интерес значительно превосходит нарушенный интерес. Это положение, однако, применимо только в том случае, если деяние является соразмерным средством для предотвращения опасности. [2, с. 136-137]

Принцип целесообразности подразумевает свободу в выборе наиболее оптимального образа действий в пределах допустимого спектра вариантов поведения в конкретной складывающейся ситуации. [4, с. 20]

В связи с этим правоведы полагают, что уголовная ответственность за такие деяния, как воспрепятствование наказанию или исполнению наказания, в том числе должностным лицом, совершенные путем бездействия (§§ 258, 258а, 13 УК), может быть исключена при наличии угрозы жизни или здоровью лица. [9] Бездействие оценивается в применении к ситуации, когда негласно действующий служащий полиции становится свидетелем совершения преступления и не предпринимает действий, направленных на его пресечение.

В остальном вопросы наказуемости (точнее, ненаказуемости) действий «агента-провокатора» решаются с использованием рассмотренных выше оснований, учитываемых при оценке ответственности «агента-провокатора» за его действия.

Таким образом, несмотря на значительный промежуток времени, в течение которого проблема провокации поднимается в научной литературе, взгляды исследователей на данную проблему по-прежнему далеки от единства и отражают широкий спектр мнений: от полного отрицания до толерантного отношения. В то же время абсолютно негативное отношение и неприятие провокации не является очевидным и общепризнанным.

Изучение специальной литературы по рассматриваемой проблематике позволило выделить несколько аспектов, наиболее часто обсуждаемых исследователями: правомерность (или неправомерность) совершения тех или иных действий, оцениваемых в контексте провокации; процессуальные последствия провокации для расследования и наказуемость «агента-провокатора»; допустимость участия (соучастия) негласного сотрудника правоохранительных органов в противоправных деяниях.

При правовой оценке деяний каждый случай провокации рассматривается с учетом обоснованности подозрения в отношении провоцируемого; наличия у него сформировавшегося умысла на совершение конкретно-

го уголовно наказуемого деяния независимо от действий «агента-провокатора»; имевшей место ранее противоправной деятельности указанного лица; вида, интенсивности и цели воздействия на него, а также в контексте соотношения интенсивности действий «агента-провокатора» и тяжести деяния провоцируемого. Оценке подлежит также соблюдение установленной процедуры, например в виде согласования предполагаемых действий со служащим полиции, осуществляющим руководство негласным сотрудником, и получения санкции прокуратуры в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами. В результате учета перечисленных факторов действия «агента-провокатора» могут оцениваться как неправомерные, правомерные при определенных условиях или незаконные.

Признание деяний незаконными может влечь за собой процессуальные последствия для подсудимого: от учета данного обстоятельства как смягчающего при вынесении приговора до его освобождения от уголовной ответственности.

Могут также наступать определенные правовые последствия для «агента-провокатора», например в виде привлечения его к уголовной ответственности. В связи с этим правоведы уделяют внимание вопросу отыскания правовых оснований для освобождения от уголовной ответственности лица, действующего по заданию правоохранительных органов и решающего задачи борьбы с преступностью. Общепризнанным является мнение, согласно которому институт крайней необходимости лишь в единичных случаях может рассматриваться как правовое основание освобождения от уголовной ответственности. Как неправомерные оцениваются попытки оправдания действий «агента-провокатора» необходимостью раскрытия преступления. Наиболее часто таким основанием является отсутствие у «агента-провокатора» умысла на достижение противоправного результата, совершение им действий, предотвращающих нанесение ущерба правоохраняемым благам либо предусмотренная уголовным кодексом ненаказуемость покушения на совершение некоторых преступлений.

Вопрос о допустимости участия (соучастия) негласных сотрудников в противоправных деяниях в ходе выполнения задания правоохранительных органов имеет в целом правовое разрешение в связи с наличием в законодательстве ряда федеральных земель норм, допускающих совершение обусловленных криминогенной средой деяний, фор-

мально соответствующих уголовно наказуемым.

Определенный интерес для совершенствования отечественного законодательства имеют нормы законодательства федеральных земель, закрепляющие критерии правомерности действий, рассматриваемых в контексте провокации.

Библиографический список

1. Гесснер, Р. За фасадом права: методы новой тайной полиции = Gössner R., Herzog U., Im Schatten des Rechts: Methoden einer neuen Geheim-Polizei. / Р. Гесснер, У. Херцог / пер. с нем. Л.Ф. Маковкин ; отв. ред. Т.Г. Моршакова ; авт. предисл. Б.С. Крылов ; рец. Ф.М. Решетников. – М.: Юрид. лит., 1990. – 224 с.
2. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / науч. ред. и вступ. статья Д.А. Шестакова ; предисл. Г.-Г. Йешека ; пер. с нем. Н.С. Рачковой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003 – 524 с.
3. Хаклэндер, У. Правовая основа деятельности германской криминальной полиции по борьбе с организованной преступностью / У. Хаклэндер // Теоретические, прикладные и исторические аспекты функционирования правового государства в России: межвуз. сб. науч. тр. – Смоленск: Юридический институт МВД России, 1998. – С.172-191.
4. Харевич, Д.Л. Негласное расследование в Германии : монография / Д.Л. Харевич; М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Мн.: Акад. МВД, 2010. – 287 с.
5. Шабанов, В.Б. Особенности исполнения наказаний по законодательству Германии и Франции / В.Б. Шабанов, В.С. Красиков // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию уголовно-исполнительной системы и 105-летию кинологической службы (Пермь, 15-16 мая 2014 г.) / Пермский ин-т ФСИН России ; сост. Ю.Б. Сушмелева. – Пермь: Пермский ин-т ФСИН России, 2014. – С. 143-146.
6. Albrecht, P. Anmerkungen zur verdeckten Ermittlung in Verfahren wegen Widerhandlungen gegen BetrMG/ P. Albrecht. – Basel, 2005. – 9 s.
7. Dreher, E. Strafgesetzbuch und Nebengesetze / E. Dreher, H. Tröndle. – 47., neubearbeitende Auflage. – München: Verlag C.H.Beck, 1995. – 1812 s.
8. Gropp, W. Rechtsvergleichender Querschnitt / W. Gropp. – Freiburg, 1994. – 82 s.
9. Krey, V. Kriminalitätsbekämpfung um jeden Preis? Zur kontinuierlichen Ausweitung des Bereichs Verdeckter Ermittlungen / V. Krey // IRP-Rechtspolitisches Forum. – 2003. – № 9. – S.3-31.
10. Meyer, N. Verdeckte Ermittlung / N. Meyer // Kripmedia [Elektronisches Ressource]. – Hamburg: Universität Hamburg, Institut für Kriminologische Sozialforschung, 2005. – Aufrufsmodus: <http://www.kriminologie.uni-hamburg.de/wikka.php?wakka=VerdeckteErmittlung>. – Aufrufsdatum: 31.08.2005.
11. Meyer-GoЯner, L. Strafprozessordnung, Gerichtsverfassungsgesetz, Nebengesetze und ergänzende Bestimmungen / L. Meyer-GoЯner. – 49. neu bearbeitete Auflage. – München: C.H.Beck, 2006. – 2148 s.
12. Sommer, U. Das tatbestandlose Tatverhalten des Agent Provocateur / U. Sommer // Juristische Rundschau. – 1986. – Heft 12. – S.485-491.
13. Weiler, E. Befragung von Beschuldigten oder aussageverweigerungsberechtigten Zeugen im Ermittlungsverfahren durch V-Leute / E. Weiler. // Goltdammer's Archiv. – 1996. – S.101-107.